

мать участие в ее концертной деятельности; набол Еблон является главным героем драматических опытов С. Шоу-бизнес служит естественным продолжением поэтической деятельности С.; в 1996 он был номинирован на премию «Овация» с альбомом «Король оранжевого листа», где песни С. помимо «Бахыт-компога» исполняли также «Лига блюза», «На-на» и др. рок-группы. В том же 1996 С. выпустил два альбома: «Урки правят миром» (с группой «Лосьон») и «Раздень меня по телефону»: в 1998 — альбом «Страшнее бабы зверя нет»; до 2003 С. опубликовал еще четыре альбома.

Лирике С. были поначалу чужды гражданские мотивы — так, он писал про «недоворот» августа 1991: «Я женщинами бойко торговал / На улицах Москвы и Ленинграда, / Пока народ кругом митинговал, / Под танки лез и строил баррикады. / Способствовал я счастью одних, / Пока другие за него боролись. / На что они, бедняги, напоролись? / Все так же злы и хмуры лица их» (**«Продавец наслаждений»**).

Поначалу в поэзии С. преобладала куртуазная лирика, порой предназначенная для чисто утилитарных одноразовых целей — но, несмотря на ее очевидно окказиональный характер, заботливо включаемая С. в сборники. На любовной лирике С. поначалу держалась поэтическая составляющая ОКМ. «Его лирика задает тон всему направлению: он герой и мученик куртуазной идеи, исходивший легкой ямбической стопой все закоулки обширного Острова Любви. Ничто не могло явиться преградой его взору и пылкому чувству: ни возраст объекта, ни его национальная, расовая или социальная принадлежность, ни обстоятельства места, времени и действия. Он все преодолел, все испытал и все воспел... Он щедро черпает из прошлого, настоящего и будущего, чтобы поразить наше воображение и заставить поверить в действительность мечты и химеры» (Боклерк Ф.— С. 281). С середины 1990-х тема разрушенной и поруганной Империи становится одной из главенствующих в творчестве С. (особенно в ретроспективных циклах). Созданные С. отталкивающие образы киборгов, зоо- и педофилов, маньяков, а также совр. российских политических деятелей призваны показать бесповоротное крушение всех нравственных ценностей, на которых держался старый порядок. Одним из следствий глобального пересмотра этических норм явилось употребление С. в стихах ранее табуированной лексики — однако после выступления на Центральном телевидении министра культуры РФ

М. Е. Швыдкого с разъяснениями о допустимости и едва ли не полезности матерщины С. стал оценивать свою лирику как вклад в общегосударственное дело. В 2001 стих. **«История с гимном»** получило приз «Серебряная калоша» за то, что в 10 строфах С. разместил 25 различных ранее непечатных слов в неповторяющихся комбинациях, не только поставив тем самым непревзойденный рекорд в отечественной словесности, но и создав исключительно выразительный текст, наглядно показывающий столь знакомые С. нравы музыкального сообщества. Успех двух последних сб. С. **«Неприличные стихи»** (М., 2002; М., 2003 — не совпадают по составу), 3- и 5-тысячные тиражи которых были полностью распроданы за несколько дней, наглядно свидетельствуют о том, что некогда напугавший Михалкова l'enfant terrible спустя полтора десятилетия стал одним из столпов постсоветской лит-ры.

Соч.: Баллады и стансы. Узловая, 1994.

Лит.: Орден Куртуазных Маньеристов. Хроники Ордена (Канцлер вспоминает). М., 1995; Боклерк Ф. Избранники судьбы // Орден Куртуазных Маньеристов. Красная книга маркизы. Венки на могилу всемирной литературы. М., 1995; Ордена и прочие причуды Вадима Степанцова / беседа Д. Московский // Петровский курьер. Санкт-Петербург. 2004. № 37. 15 нояб. С. 1, 5.

М. П. Лепехин

СТЕПУН (настоящая фамилия Степпун) Федор Августович [19.2(3.3).1884, Москва — 27.2.1965, Мюнхен] — прозаик, философ, критик.

Отец по образованию инженер, работал директором «известных на всю Россию» писчебумажных фабрик. Детство С. прошло в калужском имении Кондрово, которое было расположено на берегах Угры и Шани. В автобиографическом очерке (Старые — молодым. Мюнхен, 1960) С. утверждал: «Кроме литовской и немецкой крови есть во мне еще и французская, и шведофинская. В моем субъективном ощущении это этническое богатство ни в малейшей степени не умаляет моей русскости, которой я обязан длительной жизни в деревне». С. вырос в лютеранстве, потом перешел в православие. В 1903, окончив реальное училище в Москве, уезжает в Германию, где поступает на философский ф-т Гейдельбергского ун-та (в России же для философского образования был нужен аттестат классической гимназии). С. изучал философию под руководством проф. В. Виндельбанда, а также прошел курс истории, полити-

ческой экономики, гос. права, истории искусства, лит.-ры. В годы учебы был увлечен, как и мн. др. представители творческой интеллигенции России того времени, учением Вл. Соловьева, которому С. посвятил докторскую диссертацию. Она была защищена им в Гейдельбергском ун-те в 1910. По его собственному признанию, он всегда оставался близким «по своим философским взглядам славянофильско-соловьевскому учению о положительном всеединстве как о высшем предмете познания» («**Бывшее и несбывшееся**»).

Возвратившись в Россию в 1910, С. вместе со своим университетским товарищем С. И. Гессеном выпускает ж. «Логос» — «международный ежегодник по философии культуры», в котором принимают участие и русские ученые и литераторы (Вяч. Иванов, А. Белый, Э. Метнер и др.), и представители западноевропейской мысли (В. Виндельбанд, Г. Зиммель, Г. Риккерт, Д. Лукач и др.). В «Логосе» (1910–14) появляются в печати статьи С.: «**Трагедия творчества (Фридрих Шлегель)**» (1910. № 1), «**Трагедия мистического сознания**» (1911–12. № 2, 3), «**Жизнь и творчество**» (1913. № 3–4). С. концентрирует свои усилия над исследованием проблемы соотношения жизни и творчества, которые представляются ему двумя противоположными, борющимися в человеке началами.

В 1910-е С. сближается с символистами, принимает участие в редактировании ж. «Труды и дни», участвует в работе секции по эстетике при московском изд-ве «Мусагет», увлекается творчеством А. Блока, А. Белого, Вяч. Иванова. Сочувственно-любственное отношение к символизму осталось у С. на долгие годы. В 1931 он признавал И. Бунину, творчество которого он также ценил: «Я люблю в искусстве только надлом... Я не люблю классицизма, Возрождения, Греции. Я не пойду брать с полки Гете, если мне будет трудно в данный час. Я возьму кого-нибудь надломленного, пронзительного. Другое искусство мне не интересно. В Белом же, в его припудренном трагизме, я чую его боль, его надлом» (Кузнецова Г. Грасский дневник. М., 1995. С. 214). До начала Первой мировой войны С. активно участвует в лит.-философской жизни обеих столиц, пишет в ж. «Северные записки», «Студия», «Маска», касаясь вопросов развития лит.-ры и театра. Обладая особым ораторским талантом, С. ездит с выступлениями и лекциями по всей России по линии Бюро провинциальных лекторов. Эти поездки дали С. возможность непосредственно ощутить общественные настроения в ра-

бочей, студенческой и интеллигентской среде, познакомиться с жизнью провинциальной России.

Летом 1914 во время мобилизации С. едет в Иркутск, где формируется и проходит учебные занятия 12-я Сибирская стрелковая артиллерийская бригада. В начале окт. 1914 С. в чине прапорщика попадает на Галицийский фронт, воюет в Прибалтике; награжден орденами Анны и Святослава, был даже представлен к золотому оружию, которого тем не менее не получил. Зимой 1915 при возвращении с позиции в штаб С. получает тяжелую травму ноги, около 11 месяцев находится на излечении в Риге, Пскове, Москве. Письма С. с фронта к жене и матери по настоянию М. О. Гершензона были опубликованы в ж. «Северные записки» (1916) под псевдонимом Н. Лугин. Полностью фронтовые заметки С. под названием «**Из писем прапорщика-артиллериста**» с восстановленными купюрами и добавлениями за 1916, 1917 вышли в 1918 в одной книге с очерком В. Ропшина (Б. Савинкова) «**Из действующей армии (Лето 1917)**». Военные корреспонденции С. представляют собой сложный сплав лирических размышлений, точных документальных наблюдений, реалистических описаний и философских обобщений, касающихся мировоззрения интеллигентного человека на войне; они запечатали душевные переживания автора — от эйфорического восторга перед сражением, «упоения в бою» в начале войны до смертельной усталости и обиды за Отечество в ее конце. Последнее письмо датировано мартом 1917 и заканчивается сведениями о революции в Петрограде. После излечения, летом 1916 С. возвращается на фронт, служит в Галиции в войсках тылового обеспечения.

В начале революции приезжает в Петроград в составе армейской делегации Юго-Западного фронта. С. был избран армейским представителем во Всероссийский Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, а затем назначен начальником политического управления в Военном министерстве, которым руководил Б. Савинков. Февральскую революцию С. встретил восторженно как «всемирную мистериальную трагедию», которая вознесла русскую жизнь на неожиданную вершину.

Цели, задачи и формы Октябрьской революции не вызвали у С. ни сочувствия, ни понимания. Во время октябрьского переворота был на короткое время арестован, затем возвращается в Москву. В 1919 осуществляет лит. и худож. руководство Гос. Показатель-

ным театром революции. «Как военспец,— вспоминал позднее С.,— я был призван на военную службу, как тяжелораненый в царскую войну, назначен на тыловую должность, как писатель и бывший фронтовик, ничего не понимающий в административно-хозяйственных делах, любезно переуступлен Троцким Луначарскому на предмет производства пролетарской культуры» (Совр. записки. 1923. Кн. 14. С. 293). Однако в производстве «пролетарской культуры» С. не участвовал; предпочитал попытки поставить Шекспира, Метерлинка, Гольдони, Л. Андреева; из театра вскоре был уволен. В голодные годы военного коммунизма читает лекции в худож. студиях, позднее уезжает в деревню, где вместе с родственниками жены занимается натуральным хозяйством.

В 1922 С. участвует в возрождении лит.-худож. альманахов при изд-ве «Шиповник». Под его редакцией вышел первый и единственный сб., включивший работы Ф. Сологуба, М. Кузмина, А. Ахматовой, В. Ходасевича, Б. Пастернака и др. В этом номере был напечатан и первый рассказ Л. Леонова «Бурьга». В 1922 в сб. «**Освальд Шпенглер и закат Европы**» выходит статья С., посвященная анализу известной книги «**Закат Европы**». В этом сб. принимали участие и Н. Бердяев, С. Франк, Я. Букшпан. В. И. Ленин увидел в сб. «литературное прикрытие белогвардейской организации». С. оказался среди тех представителей интеллигенции, которые были высланы за границу. Осенью 1922 С. вместе с женой навсегда покинул родину, поселившись в Германии. Выступает как публицист и лит. критик в различных эмигрантских ж., становится сотрудником самого авторитетного ж. «Современные записки». Здесь появляются его исторические и философские статьи, лит. заметки, рецензии на философские труды и худож. произведения как представителей русской эмиграции, так и советских писателей. Мн. суждения С. поражают своей глубиной: «В революции есть стихия трагического безумия, от которой пойдет все живое и значительное в новом, революционном искусстве, и стихия благополучного коммунистического разума, которая неизбежно упрется в тупик „пролеткультщины“, т. е. „мертвую опись революционного факта“ и убогую партийно-марксистскую пропись» (Лит. заметки // Совр. записки. 1925. № 26. С. 315) и др. В течение 1923–25 здесь публикуется философский роман в письмах «**Николай Переслегин**» (Отд. изд. 1929). Основу романа составляет автобиографическая история любви, ослож-

ненная соперничеством друзей и мистическим влиянием людей, покинувших этот свет. «Николай Переслегин» — это исповедь человека символистской культуры, который наделен искренностью, благородством и вместе с тем раздвоенностью сознания, стремлением к игре, позе, кокетливому мученичеству. Однако в конце романа, завершающегося в 1914, Переслегин приходит к выводу, что «если вознесение любви в полноту и исполнение возможно, то во всяком случае не на иллюзионистских путях тлетворных мечтаний, а на путях живой религиозной веры в бессмертие единственно любимого». Пути религиозной нравственности и духовного возрождения отстаивались С. и в публицистике, и в философском творчестве; особый интерес он проявлял к экзистенциальному характеру русского мышления (**«Большевизм и христианское существование»**, 1956).

Роман «Николай Переслегин» был с восторгом встречен критикой. «Русское открытое сердце и зоркость глаза соединяются у Степуна с высокой духовностью мыслителя европейского масштаба»,— писал К. Фриш. «Нет книги, в которой о любви были бы сказаны более тонкие и значительные вещи»,— замечал Ф. Сегер. «„Николай Переслегин“ — самое прекрасное, что когда-либо написано о любви. При этом действие романа развивается с такой напряженностью, что от книги нельзя оторваться»,— утверждал К. Фишер. «Нет сомнения, что „Николай Переслегин“ — создание очень духовного и глубоко аристократического таланта»,— подводил итоги Ю. Айхенвальд (Совр. записки. 1930. № 41).

С 1926 по 1937 С. работает на кафедре социологии в Дрездене, пока его не уволили фашисты за «русский национализм, христианство и жидопослушность». В 1931 вместе с И. Фондаминским и Федотовым участвует в издании религиозно-философского ж. в Париже «Новый град» (1931–37). «Особенность новоградского духа,— отмечал позже С.,— определялась прежде всего тем, что его основатели и главные сотрудники встретились друг с другом на путях покаяния как за свои личные ошибки, так и за прегрешения тех партий, групп и течений, к которым они принадлежали» (Бывшее и несбывшееся). В 1947 специально для С. была создана кафедра истории русской духовной культуры в Мюнхенском ун-те, на которой он работал до самой смерти.

В 1956 в Нью-Йорке вышли в свет мемуары С. «Бывшее и несбывшееся» в 2 томах. Они были написаны в нацистской Германии,

когда автору было запрещено заниматься преподавательской и научной деятельностью. Первый том охватывал события детства, юности, учебы в Германии и Первую мировую войну, второй был посвящен событиям революции в России — Февральской и Октябрьской. По широте и глубине воссоздания культурно-исторической и религиозно-философской обстановки на рубеже веков, точности свидетельских показаний во время русских революций эти воспоминания не имеют себе равных. Автор предстает перед читателем то в образе тонкого беллетриста, то скрупулезного социолога, то умного, ироничного политика, то мудрого философа. Этот многоликий собеседник пытается разгадать «тайну России», увидеть в ее жизни «то бессмертное вечное, что не сбылось, не ожило: завещание грядущим дням и поколениям».

Соч.: Соч. М., 2000; Прошлое и будущее славянофильства // Северные записки. 1913. № 11; Из писем прапорщика-артиллериста. М., 1918; Жизнь и творчество. Берлин, 1929; Николай Переслегин. Париж, 1929; Встречи: Л. Толстой, И. Бунин, Н. Зайцев, В. Иванов, А. Белый, Л. Леонов. Мюнхен, 1962; Лит.-критические статьи / вступ. статья М. Фридендера // Русская литература. 1989. № 3; Б. Л. Пастернак / вступ. заметки и публ. К. М. Поливанова // Лит. обозрение. 1990. № 2; Бывшее и несбывшееся. М.; СПб., 1995; Идея России и формы ее раскрытия // Октябрь. 2001. № 6.

Лит.: Чижевский Д. И. Речь о Степуне // Новый ж. Нью-Йорк. 1964. Кн. 75; Штаммлер А. Ф. А. Степун // Там же. 1966. Кн. 82; Русская религиозно-философская мысль XX века. Питсбург, 1975; Исупов К. Роман Ф. Степуна «Николай Переслегин» в истории отечественного эстетизма // Тезисы межвузовской науч. конференции, посвященной 120-летию И. А. Бунина. Елец, 1990; Ермичев А. А. Степун-философ // Ступени. СПб., 1991. № 2; Шапошников Л. Е. Русская религиозная философия XIX–XX веков. Нижний Новгород, 1992; Философы России XIX–XX столетий. М., 1993; Пирожкова В. Несколько слов о моем учителе // Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. М.; СПб., 1995. С. 629–645; Архипов Ю. О книге Федора Степуна «Бывшее и несбывшееся» // Там же. С. 646–650; Соболев А. В. Степун Ф. А. // Новая философская энциклопедия. Т. 3. М., 2001. С. 637–638; Ки Бэ Квон. Философия войны в прозе Ф. А. Степуна и Л. Н. Андреева // Юбилейная международная конференция по гуманитарным наукам. Орел, 2001. Вып. 2; Кантор В. Федор Степун и большевистское имяславие // Вопр. лит.-ры. 2005. № 1.

Т. М. Вахитова

СТРАТАНОВСКИЙ Сергей Георгиевич [5.12.1944, Ленинград] — поэт, эссеист, историк лит.-ры.

Отец С.— Георгий Андреевич Стратановский, филолог-классик, переводчик Геродота, Фукидида, Иосифа Флавия и др. Мать — Ольга Сергеевна Заботкина, преподаватель французского, переводчик Сен-Жюста и др. Стихи С. начал писать в школе, посещал руководимый Н. И. Грудиной лит. клуб при ленинградском Дворце пионеров, где познакомился и подружился с В. Б. Кривулиным. В 1963 поступил на французское отделение Ленинградского ун-та, но затем перешел на русское, которое и окончил в 1968. В ун-те стихов не писал, занимался у В. Я. Проппа, Б. Ф. Егорова, а затем в блоковском семинаре Д. Е. Максимова. По окончании ун-та вновь начал писать стихи, работая экскурсоводом во Всесоюзном музее А. С. Пушкина, в Пушкинском заповеднике Псковской области и др. С 1983 — библиограф Российской национальной библиотеки.

Поэтическая биография С. определилась двумя факторами: бурной «пражской весной» 1968 и великолепием былой царско-сельской культуры, на фоне которой эта «весна» переживалась. В разных модификациях, но эта антиномичность — культурного богатства и исторической нищеты, интеллектуального порыва и рутинной психологии, высокого мифотворчества и лубочной картинности и т. п.— есть тема, содержание и порожденная ими эстетика стихов С. Особенность его поэзии заключается в том, считает К. М. Бутырин, что «...она и интеллектуальная, „ученая“, и уличная (но не богемная!)...»

После ун-та поэзия вновь стала главенствующим содержанием жизни С. Начав посещать лит. объединение при СП, руководимое Г. С. Семеновым, он нашел в нем мн. будущих товарищей по цеху, с которыми и связал лит. судьбу — с тем же Кривулиным, Тамарой Буковской, Михаилом Гурвичем (Ясным), Еленой Игнатовой, Борисом Куприяновым, Олегом Охупкиным, Еленой Пудовкиной, Татьяной Царьковой, Петром Чейгиным, Виктором Ширали и др. К этой же группе, составившей в начале 1970-х ленинградский поэтический андеграунд, можно отнести еще нескольких поэтов, в первую очередь Елену Шварц, с которой С., сохраняет творческие отношения по сей день.

В 1970-е С. активно публикует стихи в возникших тогда самиздатских ж. «37», «Часы», «Северная почта» и др., а с 1980 вместе с Бутыриным начинает издавать ж. «Диалог» (вышло 3 номера) и затем «Обводный канал» (с 1981 вышло 18 номеров, и формально это издание не закрывалось до наших дней). Была напечатана подборка его